

Майя и Александр

Светлана НАБОРЩИКОВА

В веренице самых ярких звезд Большого балета эти двое выделялись особо. В обоих жил дух бунтарства и избранности, нежелание подчиняться регламентированным нормам и восхитительная жизненная и сценическая свобода. Годунов шокировал начальство ветчими джинсами, неизменной жевательной резинкой и битловскими патлами, развеявшиими на ветру его молниеносных пируэтов. Плисецкая могла с вызывающей бравадой пройти с пятки на носок в академическом «Лебедином озере», в «Кармен-сюите» не по-советски закинуть обнаженную ногу за бедро партнера, а на распоряжение министра Фурцевой прикрыть ляжки пригрозить отказом от спектакля.

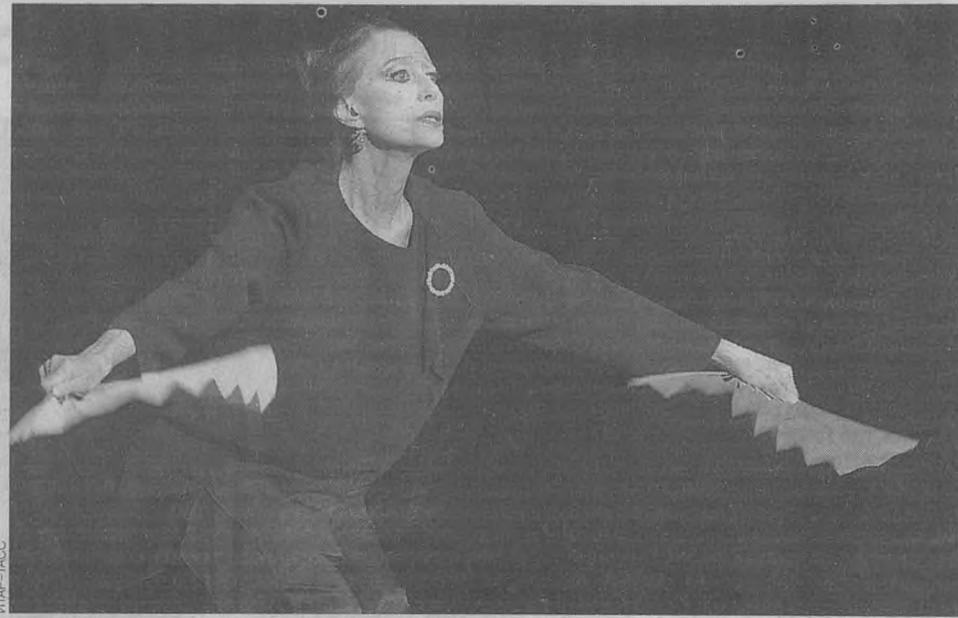
Было у них и еще одно общее свойство. Помимо всех достоинств высококлассных танцовщиков, оба в избытке обладали тем, что на Западе без обиняков называлось секспилом, а в стране, гдеекса не было, стыдливо именовалось ярким темпераментом. В их исполнении балет был откровенно эротическим искусством, а всепоглощающая страсть — главной подоплекой любого сюжета. Немудрено, что два самых ярких танцевальных фильма семидесятых — широко известная «Кармен-сюита» и несправедливо забытая «Анна Каренина», более или менее смело рассмотревшие эту тему, вышли с их блестательным участием.

Нестареющая Плисецкая и сегодня пребывает на гребне внимания. Годунова, который почти на четверть века ее моложе, уже почти десять лет нет в живых. Во время гастролей 1979 года он остался в США, был поначалу обласкан и вознесен, а затем попал в черную полосу. Из-за конфликта с Барышниковым, своим бывшим одноклассником по Рижскому хореографическому училищу, он покинул труппу American Ballet Theatre, затем потерпел неудачу с именной антрепризой и в 36 лет, непривычно рано для танцовщика такого уровня, закончил танцевать. Не принесла ему особого удовлетворения и работа в кино, где на его стороне были изумительная фактура и бе-рущая в плен харизма, но мешала

неистребимый акцент, вечная боль russkikh покорителей Голливуда. Лучшей его ролью стал немой фермер из «Крепкого орешка».

Майским утром 1995 года Годунова нашли мертвым в его калифорнийском доме. Вскрытие не обнаружило следов насилия, алкоголя или наркотиков, и городскому шерифу оставалось констатировать смерть, вызванную естественными причинами. «Я считаю, что он не приился и умер от одиночества», — написал в некрологе Иосиф Бродский. На вечере, посвященном танцовщику, мысль поэта на все лады варьировали Михаил Лавровский, Вячеслав Гордеев, Виталий Вульф, Андрис Лиепа и Наталья Трубникова, снявшаяся с Годуновым в нашумевшем мюзикле «31 июня». Говорили, что если кому и не надо было уезжать из России, так это ему. Вспоминали о его ранимости, душевной беззащитности, неумении приспособливаться к обстоятельствам и выби-вать для себя привилегии. Верные поклонницы восторженно ахали, когда на экране их вечно юный кумир зависал в высоченных прыжках и замирал в мужественных позах. Виновник торжества, молодой и ослепительно красивый, отрешенно смотрел на людскую суеву с окруженнего цветами портрета. Душа его витала высоко.

Любимой партнерши, которую он называл своим балетным идеалом, на Страстном не было. Она готовилась к собственному бенефису в «Новой опере», в отличие от годуновского — камерного и почти домашнего, обставленному с броской торжественностью. Как повелось на фирменных собраниях Фонда имени Мариса Лиепы, в качестве лейтмотив фигурировали лазерные перья, выписывающие имена спонсоров, и солистка театра «Черное НЕБОобелое» Марчелла Солтан в роли компьютерного монстра («Вы, Майя Михайловна, когда то танцевали королеву подземелия, надеюсь, вам будет приятно», — нашелся Андрис Лиепа.). К ним прилагались премьеры Большого театра Андрей Уваров с Галиной Степаненко, деловито исполнившие черное адажио из «Лебединого озера», Нина Ананиашвили, аффектированно выстрадавшая «Умирающего лебедя», и сестра Илзе с Николаем Цискаридзе во фрагменте из «Пиковой дамы», который будучи выхваченным из контекста произвел впечатление бездарной пародии. Приятным исключением из балетно-вир-

ИТАР-ТАСС

В Театральном центре «На Страстном» собрались почитатели таланта Александра Годунова, отметившие 55-летие со дня рождения своего кумира, а в «Новой опере» овацией приветствовали Майю Плисецкую, прибывшую из Мюнхена на презентацию своего нового фотоальбома.

ИТАР-ТАСС

туального меню смотрелся выход пианистки Екатерины Мечетиной с «Озорными частушки» (привет Щедрину) и Андрея Вознесенского, встремнувшего зрителей изящным посвящением любимой артистке. На прощание мини-спектакль под названием «Принятие даров» устроила Майя Михайловна. Парнерами балерины в этом элегантном шоу стали почетные гости. В очередь к ручке с букетами наперевес выстроился цвет нашего искусства во главе с министром культуры и массовых коммуникаций Александром Соколовым.

Но до того истомленные ожида-

нием поклонники все же получили танцовщую Плисецкую — сначала на экране, в роли героини документального фильма Никиты Тихонова, а затем вживую, в номере Мориса Бежара «Аве Майя» на музыку Баха-Гуно. Одетая в черный атласный костюмчик, бенефициантка всего лишь семенила на каблучках и помахивала веерами. В продолжение последовала сегидия из «Кармен-сюиты», преподнесенная с той же строжайшей экономией средств — только глаза, руки, корпус. Зал тем не менее замер, боясь пропустить малейшую деталь ошеломляюще простого и невероятно

притягательного зрелища. На сцене не была обворожительная женщина, созидающая силу своей красоты и умеющая ею распорядиться. Этую тему Плисецкая с непревзойденным мастерством и несгибаемым упорством вела всю жизнь, с годами меняя лишь нюансы. В молодости повесть о красоте звучала победительно звонко и хлестко. Сегодня, на пороге 80-летия, в ней доминирует изысканность и ироничность. Какие краски найдет балерина для следующей вариации, можно лишь гадать. Но то, что зал в очередной раз замрет, сомнению подлежит.